

Я - поэт

В поэзии Константина Васильева можно выделить: любовную лирику, пейзажную, философскую, стихи о поэтах, мятежные стихи и т.д. (*терминология К.В.*)
Мы даём подборку стихов под условным названием: «Я – поэт».

Стезя – меж «можно» и «нельзя»,
Между «нельзя» и «невозможно».

Моя бескрайняя стезя...
Иду к себе неосторожно.

И сотой доли не пройду...
И миллионной не успею...
На эту землю упаду,
под этим небом, что над нею.

Но ты простишь меня, земля,
но ты меня поднимешь, небо,
и я увижу купола
над крышами Борисоглеба.

28.02.83.

* * *

Так я талантлив? – что вы, право!

Мне не к лицу такая честь.
И только две мои октавы
мне объяснили, кто я есть:
и сам я знаю, что за ветер
навеял мне эти стихи...

Старик Тарковский их заметил.

Всё остальное – пустяки.

Эти тихие зарницы,
блики вечного огня...

Ваши лики, ваши лица,
уцелеют, а меня –

Обожгла и ослепила,
ослепила, обожгла

эта воля, эта сила,
эта огненная мгла.

Лишь она со мною рядом...

Но – под градом белых стрел –
я, сверкая чёрным взглядом,
остаюсь душою – бел.

* * *

Как хорошо, когда темно,
когда раскрыта, как окно,
душа ночная – настезь!

Когда врывается в неё
дыханье близкое твое,
и ты от счастья плачешь!

* * *

Величие великих –
в великой простоте.

Не гвозди, а гвоздики
сияют на кресте.

Ведь гвозди, прорастая
сквозь огненную плоть,
цветами расцветают,
как и велел Господь!

10.10.81.

* * *

1

Как два года назад
тает снег в декабре.
Лёд и люди скользят...
Вот – и лужи стоят
у меня на дворе...

2

Новый год впереди –
наш двухтысячный год.
Ты ко мне не иди.
Для меня – позади
всё, что рвётся вперед.

3

Для меня позади
всё, что рвётся вперед.
Я не вижу пути,
всюду огненный лёд.

4

Низко тучи идут.
Тает снег на лету.
Никуда не уйду
у зимы на виду.
Мой последний редут.
Мой последний приют.

5

Наяву и во сне
я ещё продержжусь.
Под огнём и в огне
будет холодно мне.
Ну и пусть, ну и пусть.

6

Так два года подряд
я стою на своём.
Ни вперёд, ни назад.

Ни из дому, ни в дом.
Ни звездой в звездопад,
ни зерном в чернозём.

7

Но судьбы на краю
я ещё постою.
Я ещё продержусь.
Уходящая Русь,
за тебя не молюсь,
Не молюсь, но пою...

19.12.99.

* * *

Прости мне музыку мою,
столь неуместную в бою.

Ноя бросаю меч и щит,
коль скоро музыка звучит.

И не хочу беречь живот,
когда душа сама поёт.

О да, о да, опасно петь,
когда везде бряцает медь.

Когда железная волна
встаёт на нас, когда война.

Но разве только в тишине
должна являться Муза мне?

* * *

Говорить не хочу ни о чём –
говорить ни о чём и не стоит,
стену здесь подпираю плечом –
ту, которую не построят.

Подпираю плечом пустоту,
ту, которую не разрушат.
Задыхаюсь, зову немоту,
потому что слова меня душат.

И душе! Я чувствую сам,
что судьба не потерпит измены,
что свобода дана лишь словам,
в пустоте потрясающим стены!

29.04.2000.

* * *

Начинаем всё сначала:
жизнь, конечно, не нова,

просто песня зазвучала
на забытые слова.

Надо петь, пока поётся,
петь от первого лица...
Но откуда что берётся?
И куда девается?

Обильно падающий снег.
Ни зги не видно.
Так завершается мой век.
Весьма обидно.

За белизною – чернота.
И где дорога?
Уже не вижу ни черта,
не вижу Бога.

Или до Страшного Суда
осталась малость?
И путеводная звезда
в былом осталась?

Но и меня скрывает снег,
Столь благосклонный,
что состоялся мой побег,
давно решенный...

24.12.99.

* * *

Потерям нашим нет числа,
и с ужасом мы видим сами,
что перед нами – только мгла,
что только мгла идёт за нами.

Но в неизбежной этой мгле
небесный голос раздаётся:
- Всё, всё проходит на земле,
- Всё, что проходит – остаётся!

* * *

Ну что за роза без шипов
и что за сказка без намёка?
И я давно сказать готов,
что нет в отечестве пророка.

Пророка нет, и горя нет.
А то, что радости казалось,
ещё не явлено на свет...
Но не напрасно показалось.

* * *

До синих звёзд нам дела нет,
зато они глядят на нас.

Летит во тьму их слабый свет,
едва касаясь наших глаз.

Земные тяготы влача
по каменистым тропам дня
не замечаем с горяча
мы звёзд холодного огня.

И в самом деле – тяжело
нам от земных укрыться бед.
Но если б небо снизошло,
решили б мы, что неба нет...

* * *

Здесь, на земле, или другой звезде...

Н. Оцуп

Здесь, на земле, и где-нибудь ещё,
где слишком холодно иль горячо –
здесь и везде, здесь им нигде на свете –
кончается двадцатое столетье.

И вместе с ним горит моя душа,
от холода ужасного дрожа.
И вместе с ним горят мои надежды.
Надежды мудреца или невежды.

Двадцатый век был Словом во плоти.
Но Слово не могло меня спасти,
зато оно меня не погубило.
Зато оно на самом деле – было.

А что же есть? – поруганная честь.
И что сулит грядущее – Бог весть.
Но жить минувшим поздно или рано.
Звезда, я вижу, вышла из тумана.

«Здесь, на земле, или другой звезде»...
но надо жить и в полной нищете,
и к высоте утраченной стремиться,
на лица невзирая в темноте...
Здесь, на земле, или другой звезде –
а там посмотрим, что ещё случится.

209.04.2000.

* * *

Я, вероятно, не верю
в то, что надолго уйду.
Настежь раскрытые двери...
Дом мой у всех на виду.

Дом принимает любого.
Дом будет долго стоять.

Может вернусь из былого,
или в былое опять...

Может, мой друг незнакомый
в доме моём отдохнёт.
Может, бродяга бездомный
не стороною пройдёт...

Будут скрипеть половицы,
под каблуками скрипеть...
Будут весёлые птицы –
зяблики, славки, синицы
петь, невзирая на лица, -
звонко за окнами петь.

2.05.83.

* * *

Греховность моя – это благо.
Чернила – в флаконе души...
И белая эта бумага
меня умоляет – греши! –
пишу.
Это стало привычкой –
грешить и писать не спеша...
А в клетке души моей
птичкой
порхает чужая душа.

9.04.83.

* * *

Прости меня, судьба,
за то, что я живу,
зато, что все слова,
за то, что я не вру,

за то, что я мертвей
великих мертвецов,
за то, что я живею
глупцов и подлецов,
за то, что вижу свет,
за то, что вижу тьму,
за то, что я – поэт...

За то, что крикну – «Нет!» -
прощенью твоему.

* * *

Сирени расцветают за углом, -
они уже цветут в моей тетради.
Горячий ветер спорит с тополком
пушинок отрывающихся ради...

И я вторично вижу белый пух –
весёлое июльское явление!
Я существую в измерениях двух:
в природе -
и в своём стихотворении.

Как звуки возникают? Вот вопрос,
ответа на который мне не надо.
Проникнуть в тайны?
Видеть всё насквозь?
Но я давнишний враг нескромных взглядов.

Я запросто гуляю по росе, -
И пусть меня никто не потревожит.
Пишу стихи, быть может, так, как все,
но так, как я, писать никто не может.

30.11.81.

* * *

Повесишь голову – кислица;
подымешь – ели до небес.
Наверно, есть и зверь, и птица,
и всё, что надо, - лес как лес.

Слегка темно, и влажный воздух,
и чутко дремлют сойки в гнёздах,
а вон – паучья канитель,
и мощно пахнет гниль ванилью,
ткнёшь сапогом – взметнётся пылью...

Через поваленную ель
перешагну, не размышляя
о том, куда ведёт кривая,
по кругу медленно иду,
и всё вперед, и всё ни к чёрту,
и воздух свежий, воздух спёртый, -
возможно ль провести черту?
Земля, как чистая страница,
сюда никто – и ни ногой...
Калган, рамишия, кислица,
Двулистный майник, зверобой,
а надо мною – всюду – ворон,
широко крылья распростёр он
и смотрит зорко и хитро,
и жду – уронит ли перо?

Я подберу, я сам не олух,
писать стихи таким пером –
экзотика! – уже в глаголах
я чую звуки «р» нутром.

И тишина, и бурелом,
и где-то рядом чисто поле,
и тьма, и молния, и гром
и хлынуло, о чём глаголю?

* * *

Ночами я читаю Пруста,
в пустое завтра не спеша,
а на душе светло и пусто,
но чёрный день пришёл, душа.
И видно, в вдребезги разбита
жизнь, выбежавшая на свет.
И что мне аромат бисквита,
когда горбушки чёрной нет?

Довольно трезвых рассуждений
и откровений во хмелю,
я не имею отношений
ни с кем из тех, кого люблю.

Лишь торгоши имеют крышу,
а я под бедным небом дня –
и самого себя не слышу...
Но слышит кто-нибудь меня.

* * *

Холодная земля, уже полуживая,
голодная земля... не будет урожая –
Мм высосали сок своей родной земли,
и бросили её, и от неё ушли...

Ах сам я полумертв, и пуст, и неподвижен.
Самим собою здесь – а то и там унижен.
Бесценные слова, меня вы не спасли...
Но должен я идти – Путём Всея Земли.

* * *

Холодный медленный рассвет,
тумана белая стена,
я тоже стар, я тоже сед,
но незаметна седина.
И жизнь длинна, и даль темна.
Темна, но наступает свет,
свет, устремленный мне вослед.

И здесь – у мира на краю –
глубокой осени на дне –
я над самим собой встаю,
и свет идёт навстречу мне,
и я молчу, и в тишине,
и в тишине – на дне – пою,
Пою и жить перестаю.

* * *

Зачем же пса держать, а лаять самому,
и землю оглашать таким тоскливым воем?
И молча, мы глядим в сгустившуюся тьму,
не трогаем собак, людей не беспокоим.

Как это хорошо – остаться одному!
Быть одинокими нам хорошо обоим.
И пёс мой в конуре, и я в своем доме.
И позабывшим нас – надеюсь, хорошо им.

Что было – то прошло. Умолкли голоса.
Не буду я будить и дремлющего пса.
В самом себе будить я не намерен зверя.

Пусть я на земле лишь слабый человек.
Пусть я слаб, пусть. Зато, по крайней мере,
я независим здесь – отныне и навек.

30.01.01.

* * *

Моя пустая голова
полна бесстыдной чепухи -
но в ней же крутятся слова
и образуются стихи.

Пусть не стоят ни рубля
сии воздушные шары –
но также крутится земля,
и так же крутятся миры...

* * *

Мир, покрытый плодами зла.
Жизнь такая, какая есть –
не такая, какая была:
где в ней подлинность? где в ней честь?

Было – было, прошло – прошло;
нечто новое настаёт:
роковое тяжёлое зло
по-над миром чёрным плывёт.

Лезет чёрное из пещер,
раздирает нас изнутри...
Что ты видел там, Шарль Бодлер?
Ты на нынешних нас посмотри.

* * *

Какими мы стали – такими
и надобно нас принимать.
Уже мы не станем другими –
и надо на этом стоять.

И даже дурные безмерно –
живущие непутём –
но мир мы спасаем от скверны...
И даже, быть может, спасаем.

* * *

Ты мне не матушка – Россия, -
и уж, конечно, не жена,
и не высокая стихия,
и не великая страна.

Так что же ты? – я сам не знаю,
и не узнаю никогда,
но я в тебе души не чаю,
в тебе сгораю со стыда.

Всё очень мило, очень славно,
когда повсюду кровь и мрак,
поёт и плачет Ярославна,
дорога тянется в кабак.

С моей тоской неизгладимой
на миг опомниться в раю...
Но наступает край родимый,
но сам себя не узнаю.

Мои поля, берёзы, сосны
огнём объаты на ветру...
Все наши годы високосны.
Не всё ль равно, когда умру.

Зато умру не на чужбине...
Ну что же, мой родимый край,
меня не знал ты прежде, и не
узнаешь, - сам себя узнай!

6.02.95.

* * *

Мало света, мало...
Угадай, мудрец,
где его начало,
где его конец?

Ничего не знаю...
впрочем, знай не знай, -
свет, достигнув края,
льётся через край.

Я же был и буду
вечно на краю.
Вижу свет – повсюду –
Но не достаю...

* * *

Бумажных влажных кип тлетворный дух
пора забыть. Пора почуять вдруг,
сколь ароматна почвенная влага,
увидеть рану рваную оврага,
услышать канюка протяжный крик,
потрогать стойкий стебель астрагала,
найти прозрачный, маленький родник,
не знающий, что он – реки начало.

* * *

С великою охотою шагаю
и ветру, и судьбе наперерез,
но не был в этом мире никогда я,
и нет меня, и целый мир исчез.

Но остаётся всё таким, как прежде,
и новое стареет с каждым днём...
Хоть на куски Вселенную разрежьте –
она срастётся и не пропадёт.

И я – не изменился ни на йоту,
и музыкаю слух встревожен мой,
и вижу я – сегодняшний – что кто-то
спешит вослед за музыкой – домой.

Да это ж я, вчерашний, - и вдогонку
себе – своё сочувствие пошлю,
и голову подставлю под колонку,
и ржавую водою оболую.

Одна душа моя не заржавела!
Но плохо в этом мире одному...
И пустота, и тьма – белее меда –
и музыка...кто скажет, почему.

* * *

Ни у кого прощенья не прошу
за то, что жить по-своему намерен.
Иду навстречу острому ножу,
и пистолет в лицо моё нацелен.

Погибнуть – остаётся верный шанс –
не упущу его. Но жизнь – нужна мне.
Пускай всегда вот так же, как сейчас,
свистят друзьями брошенные камни.

Пускай враги таятся до поры,
прикидываясь верными друзьями –
я наплевал на правила игры.
Я вовсе не игрок – я сам с усами.

И пусть моя любимая вдали,
и пусть махнула на меня рукою –

меж нами лишь клочок сырой земли,
меж нами лишь забытое былое.

А я – один. Рискую и грешу.
Назло друзьям. Назло врагам. Так надо.
Ни у кого прощенья не прошу –
ни от кого не будет мне пощады.

* * *

Провалы памяти...Куда
уходит то, что явью было?
Куда уходит та мечта,
которая меня взрастила?

Куда уходят те стихи,
которые не написались?
И мы с тобой – чисты, тихи –
когда, и где, и как расстались?

А впереди, а впереди –
ещё одна волна забвенья.
А здесь – весёлые дрозды, -
кому певцы, кому – мишени.

И чьё-то чуткое ружьё
нацелено неумолимо
в лицо веселое моё...
И – выстрел...Неужели – мимо?

29.04.83.

* * *

Ни сберечь, ни по ветру рассеять –
как мне быть с достояньем моим?
Спать спокойно: на свете не все ведь
различают, где слово, где дым.
Но зачем я от мира сокрыться
помышляю в бездонных ночах?
Только то, что должно сохраниться,
погибает на наших глазах.